

В.Д. Дзидзоев

Причины развала «территориальной целостности» Грузии

(политико-правовой анализ выхода Южной Осетии и Абхазии из состава Грузии)*

В.Д. Дзидзоев**

К концу 80-х годов XX в. в бывшем СССР в силу многих обстоятельств крайне обострились этнополитические проблемы, которые зрели десятилетиями. В Грузинской ССР резко обострились межнациональные отношения. К их причинам следует, на наш взгляд, отнести грузинский шовинизм, пропаганду «величия» грузинской нации и ее «превосходства» над осетинами, абхазами, армянами, азербайджанцами и другими народами [1]. Заметим, что некоторые из них, например, южные осетины и абхазы, в 20–30-е годы оказались по волюнтаристскому решению партийно-советских властей в составе «территориально целостной» Грузинской ССР. Здесь уместно напомнить, что бывшая Советская Союзная Республика Абхазия десять лет имела с Грузинской ССР равноправные и договорные отношения, что не устраивало амбициозных руководителей из Тбилиси. При поддержке партийно-советских руководителей СССР грузинской национальности (Сталина, Орджоникидзе, Енукидзе и др.) политическое руководство Грузинской ССР добилось понижения статуса национальной государственности абхазского народа и включения в 1931 г. Абхазской АССР в состав «территориально целостной» Грузинской ССР. Это было не просто нарушением политических прав абхазского народа, которого вопреки желанию включили в состав Грузинской ССР. Этот политический акт, направленный против интересов абхазского народа, перспективы его государственного развития, на мой взгляд, является образцом политико-правового абсурда. Удивительно и то, что во всех советских исторических справочниках, энциклопедиях понижение статуса государственности абхазского народа рассматривается как «пожелание абхазского народа». На самом деле абхазский народ уже тогда понимал, что при такой политике никаких братских отношений с грузинским народом, особенно с его политической элитой, быть не может. Абхазский народ уже тогда

испытал на себе имперские объятия политического руководства Грузинской ССР [2]. Таким образом, обостренный, долгосрочный и опасный характер имели грузино-осетинские и грузино-абхазские отношения, что получило свое освещение в историографии Кавказа [3]. Обращаю особое внимание на то, что за все время советской власти южные осетины и абхазы не раз проявляли аргументированное недовольство шовинистической политикой грузинских властей, которые всячески старались держать на вторых, а то и на третьих ролях южных осетин и абхазов [4]. В Цхинвале и Сухуме всячески боролись против грузинского диктата, добиваясь политико-правового равноправия в межнациональных отношениях. В конце 80-х годов XX века, когда политика перестройки стала набирать обороты, в Южной Осетии и Абхазии решили усилить национально-освободительную борьбу. К этому времени сформировалось мощное сепаратистское движение в Грузинской ССР, целью которого было ее отделение от СССР. В 1989–1991 гг. (до распада СССР) Верховный Совет Грузинской ССР принял важнейшие решения, отменявшие законы, принятые советской Грузией после февраля 1921 г., т.е. после установления советской власти **(по мнению автора статьи, этот факт стал началом настоящей политико-правовой войны между Грузией, с одной стороны, и Южной Осетией и Абхазией – с другой)**. Среди отмененных законодательных актов следует отметить и такой важнейший, как Договор от 30 декабря 1922 г. «Об образовании СССР». Так, в Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии от 9 марта 1990 г. подчеркивалось: «Рассмотрев проект закона СССР об учреждении поста Президента СССР и внесение соответствующих изменений в Конституцию (Основной Закон) СССР, Верховный Совет Грузинской Советской Социалистической Республики считает, что:

* Доклад, представленный на научно-практическую конференцию «Республика Южная Осетия: перспективы и проблемы строительства независимого государства».

** Дзидзоев В.Д. – д.и.н., профессор, зав. кафедрой политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

– согласно ст. 70 Конституции (Основного Закона) СССР и соответствующим статьям Конституций (Основных Законов) союзных республик, союзные республики являются суверенными государствами. Следовательно, в условиях президентского правления Грузии как суверенное государство должна иметь своего Президента. Наличие поста Президента СССР при отсутствии поста Президента Грузии является отрицанием существования Грузии как суверенного государства;

– ст. 127 законопроекта допускается избрание Президента СССР и в том случае, если его кандидатура отвергнута большинством голосов меньшинства союзных республик. Это значит, что Президентом СССР, а следовательно и Грузии как входящего в состав СССР государства, может стать неприемлемое для Грузии лицо;

– Президент СССР не должен быть гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, ибо эту обязанность должен исполнять глава соответствующего суверенного государства – союзной республики» [5]. Следует обратить внимание на то, что Верховный Совет Грузинской ССР уже тогда позаботился о политико-правовой основе выхода из состава СССР. Далее будет сказано о так называемом абхазском и юго-осетинском сепаратизме, который подвергался суровой критике со стороны Верховного Совета Грузинской ССР, а также научной общественности, различных религиозных и национальных объединений, которые были заинтересованы в выходе Грузинской ССР из состава бывшего Советского Союза. При этом апологеты «территориальной целостности» бывшей Грузинской ССР, ратовавшие за выход из состава СССР и фактически занимавшиеся сепаратистской деятельностью, забыли о собственных и достаточно крепких сепаратистских корнях.

Возвращаясь к анализу Постановления Верховного Совета Грузинской ССР о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии, необходимо подчеркнуть его антисоветский и антироссийский характер. Так, в документе отмечается: «Поскольку союзные республики являются суверенными государствами, контроль за регулированием отношений между ними может возлагаться только на орган, состоящий из представителей этих республик как государств. Это право республик не может быть подменено правом корпуса избирателей этих республик, так же, как и союзный Договор как регулятор их отношений не может быть подменен Конституцией, принимаемой народными депутатами:

– принятые Президентом нормативные акты не могут иметь юридическую силу на всей территории СССР без согласия Верховного Совета соответствующей союзной республики;

– неприемлем пункт 16 статьи 127 законопроекта, наделяющий Президента СССР не толь-

ко правом объявлять военное и чрезвычайное положение, но и правом введения единоличного президентского правления, что может интерпретироваться как право Президента на роспуск органа власти союзных республик и полную ликвидацию союзных республик» [5]. Таким образом, Верховный Совет Грузинской ССР, председателем которого, уместно будет напомнить, был бывший член ЦК КПСС и бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Гумбаридзе, фактически противопоставлял Грузинскую ССР союзному центру, интересам всех народов бывшего Советского Союза. Уже тогда, то есть 9 марта 1990 г. – за полтора года до распада СССР, политическое руководство Грузинской ССР четко определило для себя политико-правовые основы выхода из СССР. Тогда оно, на мой взгляд, всерьез не задумывалось о том, что столь апробированный метод будет успешно применен Южной Осетией и Абхазией для выхода из состава ГССР.

В указанном Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР подчеркивалось, что высший законодательный орган ГССР «считает представленный законопроект об учреждении поста Президента СССР неприемлемым, а участие депутатов от Грузии в его принятии недопустимым» [5]. Характерно, что в большинстве важнейших постановлений и законов, принятых Верховным Советом Грузинской ССР в 1989–1991 гг., как правило, советская Россия, Советский Союз упоминаются как «агрессоры», «оккупанты», в лучшем случае как «недружественные» государства, которые тем и занимались, что «препятствовали строительству» свободной, суверенной, демократической Грузии. Так, в Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии сказано, «что ввод войск советской России в Грузию в феврале 1921 г. и занятие всей ее территории являлись с правовой точки зрения военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения – фактической аннексией; осуждая оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление, стремится (Верховный Совет Грузинской ССР. – *Авт.*) к аннулированию последствий нарушения Договора от 7 мая 1920 г. для Грузии и к восстановлению прав Грузии, признанных Россией этим Договором» [6, с. 25–26]. Здесь нетрудно заметить одностороннюю интерпретацию прав Грузии, ее суверенитета и многолетних взаимоотношений с советским государством. Сепаратизм высшего руководства Грузинской ССР проявился в том, что Верховный Совет Грузинской ССР объявил «незаконными и недействительными Союзный рабоче-крестьянский договор между Грузинской ССР

и РСФСР от 21 мая 1921 г. и Договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья от 12 марта 1922 г.» [5, с. 26]. Необходимо подчеркнуть и то, что Постановление Верховного Совета Грузинской ССР от 9 марта 1990 г. обязывало начать «переговоры о восстановлении независимого Грузинского государства, поскольку Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 г. является в отношении Грузии незаконным» [5, с. 26]. Таким образом, политическое руководство Грузинской ССР набирало популярность в грузинском народе, основная масса которого, надо полагать, поддерживала сепаратистские идеи политиков Тбилиси. Более того, Верховный Совет Грузинской ССР продолжал принимать новые постановления и законы, которые усиливали политико-правовую базу выхода Грузинской ССР из состава СССР. Заметим также, что все эти попытки выхода Грузинской ССР из состава СССР встречали серьезное сопротивление не только в политических кругах Южной Осетии и Абхазии, но и среди основной массы негрузинского населения (например, армян, азербайджанцев, кварельских дагестанцев и т.д.).

В Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР о внесении дополнений в Постановление ВС ГССР от 9 марта 1990 г. о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии (20 июня 1990 г.) подчеркивалась необходимость следующих дополнений: «Отмечая, что установленная в Грузии в результате интервенции и оккупации власть – сначала невыборная власть (революционные комитеты), а затем – ограниченные, строившиеся на узкоклассовых началах Советы – не выражала подлинного, свободного волеизъявления грузинского народа, Верховный Совет Грузинской ССР объявляет незаконными и недействительными все акты, упразднявшие политические и другие институты Демократической Республики Грузии и заменявшие их политическими и правовыми учреждениями, опирающимися на внешнюю силу (решение так называемого Ревкома Грузии от 16 и 26 февраля, 24 марта 1921 года и др.)» [5, с. 26]. Данное Постановление обязывало начать переговоры между ГССР и РСФСР «с целью установления принципиально новых отношений, присущих суверенным государствам, в основу чего должны быть положены признание факта грубого нарушения правительством РСФСР в февралемарте 1921 года Договора, заключенного с Демократической Республикой Грузия 7 мая 1920 г., и соответствующая оценка его политических и правовых последствий Верховным Советом РСФСР» [5, с. 26]. Следует подчеркнуть, что данный важнейший документ, как и многие другие, не учитывал многие объективные факторы во взаимоотношениях советской России и Грузии. Он

просто игнорировал законные интересы Южной Осетии и Абхазии, с которыми у Грузии и до этого были достаточно сложные взаимоотношения. В то же время в Постановлении достаточно много демагогических рассуждений и политической трескотни. Так, в нем подчеркивается: «Верховный Совет Грузинской ССР, глубоко сознавая огромную ответственность перед грузинским народом, возлагаемую на него, на каждого его члена на решающем для Грузии историческом этапе, призывает грузинский народ, всех людей, проживающих в Грузии, совместными усилиями добиваться заветной цели – восстановления государственной независимости Грузии» [5, с. 27]. Следует обратить внимание на политические акценты и терминологию, содержащиеся в тексте Постановления, где странным образом обходятся такие очевидные факты, как многонациональность и серьезные этнополитические и правовые проблемы Грузинской ССР, факт существования здесь автономий (Аджария, Абхазия и Южная Осетия), коренные народы которых считали себя не «гостями» на гостеприимной земле Грузии, а полноправными хозяевами и вершителями судеб аджарского, абхазского и юго-осетинского народов. К демагогическим рассуждениям можно, на мой взгляд, отнести то, что высший законодательный орган союзной республики призывает «грузинский народ, всех людей, проживающих в Грузии, совместными усилиями добиваться заветной цели...» Из этого получается, что Верховный Совет Грузинской ССР под «грузинским народом» подразумевает не весь многонациональный народ республики, а только этнических грузин. А около двух миллионов негрузинского населения Грузинской ССР, в том числе абхазы в Абхазии и осетины в Южной Осетии, были отнесены к категории «всех людей, проживающих в Грузии», то есть «гости на гостеприимной земле» Грузии, которых, как пишут многие грузинские специалисты, «приютили» у себя дома благородные грузины. Демагогия, как известно, является спекуляцией реальными проблемами, запросами, надеждами «в скрытых целях» [7]. Она обычно «сопровождается фальсификацией фактов, оформляется внешне правдоподобной, но по существу искусно подтасованной аргументацией. Кажущееся правдоподобие демагогической аргументации позволяет демагогу добиваться желательных результатов, не обнаруживая своих действительных намерений» [6, с. 90–91]. Любому специалисту нетрудно вычислить «скрытые цели» Верховного Совета Грузинской ССР, призывающего «всех людей, проживающих в Грузии», то есть абхазов, южных осетин и многие другие негрузинские народы «совместными усилиями добиваться заветной цели» наиболее радикальной и шовинистической настроянной части грузинского народа во главе с З. Гамсахурдиа.

Заметим также, что «восстановление государ-

ственной независимости Грузии», в силу целого ряда объективных причин, никогда не было и не могло быть «заветной целью» не только южных осетин и абхазов, но и армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев, кварельских дагестанцев и многих других малочисленных народов, оказавшихся волею политиков и судьбы в «территориально целостной» Грузинской ССР и подвергавшихся там систематически различным формам дискриминации. В историографии Кавказа имеется достаточно много фактов, в том числе и опубликованных, подтверждающих притесненное положение многих негрузинских народов в Грузинской ССР, руководству которой Центральный комитет КПСС неоднократно указывал на это. Следует подчеркнуть, что эти народы в советское время рассчитывали на ЦК КПСС и Правительство СССР, чтобы они, как высшие инстанции партийно-советской системы СССР, восстановили справедливость в межнациональных отношениях в ГССР. Таким образом, непонятно какими историческими аргументами и политическими соображениями руководствовались авторы Постановления Верховного Совета Грузинской ССР от 20 июня 1990 г., когда они с пафосом заявили о будто бы «заветной цели» всех народов Грузинской ССР – восстановлении государственной независимости Грузии. Независимость Грузинского государства Южной Осетии и Абхазии и в 1918–1921 гг., и в начале 1990-х гг. XX века ничего кроме трагедии не дала. Другие негрузинские народы Грузинской ССР, на себе испытывавшие шовинистическую, имперскую национальную политику грузинских властей, в силу многих объективных причин, не могли и не добивались той самой «заветной цели», к которой стремились наиболее радикальные националисты во главе с З.Гамсахурдиа.

Анализ цитируемого постановления убеждает в том, что высшая политическая власть союзной республики преднамеренно и целенаправленно навязывала руководству советского государства жесткое политико-правовое противостояние. В этой связи нетрудно заметить ультимативный тон постановления высшего законодательного органа союзной республики в отношении союзного центра. Другими словами, постановление обязывало действительно суверенную державу признать факт «грубого нарушения» Москвой статей Договора с Грузией от 7 мая 1920 г. Под «грубым нарушением» статей Договора подразумевалось свержение в 1921 году меньшевистской тоталитарной власти в Грузии, организовавшей геноцид южных осетин и абхазов в 1920 г. Современные грузинские политики под нарушением Договора от 7 мая 1920 г. подразумевают установление советской власти в феврале 1921 г. в Грузии, забывая о том, что влиятельные грузинские большевики Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе, Орахелашвили, Цхакая,

Элиава и многие другие участвовали в установлении советской власти не только в Грузии, но и в других странах. И в этом ничего удивительного нет, если учитывать закономерности и традиции революционной борьбы за власть. Данный вопрос требует специального исследования. Он не входит в круг обязанностей автора настоящей статьи. Здесь задача видится в освещении сложных вопросов взаимоотношений Грузии, с одной стороны, Южной Осетии и Абхазии – с другой. Тем не менее уместно напомнить современным грузинским «реформаторам», многим ученым-исследователям о том, что советская Россия почему-то не установила советскую власть, например, в Турции, Франции или в какой-либо другой стране, где не было объективных предпосылок для социалистической революции. А в меньшевистской Грузии предпосылки для установления советской власти в 1921 г. все-таки были. Их создавали не только грузинские большевики, но и широкая общественность Грузии, которая испытывала по вине правящей меньшевистской партии огромные трудности и лишения. Большевики Грузии, организовавшие геноцид южных осетин и абхазов в 1920 г., конечно же, создавали в Южной Осетии и в Абхазии надежную почву для победы советской власти, которая провозгласила качественно новую национальную политику, равноправие народов, демократизм в межнациональных отношениях. Все эти азбучные истины должны быть известны политикам и ученым-исследователям современной Грузии. Однако в Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР от 9 марта 1990 г. нет даже намек на революционные процессы, которыми был охвачен в 1918–1921 гг. практически весь Кавказ. В документе, разумеется, нет упоминания о том, какую власть хотели установить у себя народные массы Южной Осетии и Абхазии. Необходимо подчеркнуть, что в результате революционных событий не только на Кавказе, но и на всей территории России одни народы с оружием в руках боролись за установление советской власти. Другие же народы, тоже с оружием в руках, боролись против советской власти. Сегодня трудно определить, какой народ поступал правильнее, мудрее и дальновиднее. Однако было бы наивно не признавать за каждым народом его неотъемлемое право бороться за те идеалы, в том числе и в национально-государственном строительстве, которые он в большинстве своем считает для себя наиболее оптимальными. Так, меньшевики Грузии, которых поддерживала часть грузинского населения, добивались в 1918 г. выхода из состава РСФСР и создания унитарного Грузинского государства, куда они насильственными методами планировали включить, помимо их воли, Южную Осетию и Абхазию. В то же время последние боролись за установление у себя советской власти, против

вмешательства меньшевистской Грузии в их внутренние дела. Абсолютное большинство абхазов и южных осетин видело перспективу своего дальнейшего развития вне Грузии. Они, так же как и грузины, боролись за право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства. Это было и осталось их неотъемлемым правом.

Выше уже отмечалось, что демагогия, как правило, сопровождается фальсификацией фактов, оформляется внешне правдоподобной, но фактически подтасованной аргументацией, что нетрудно заметить в Постановлении Верховного Совета Грузинской ССР от 9 марта 1990 г. Демагогия является «в политике сильным и опасным средством манипуляции массовым и индивидуальным сознанием» [6, с. 91]. Этим средством активно пользовались грузинские сепаратисты, национал-экстремисты во главе с З. Гамсахурдиа, стремившиеся в одностороннем порядке, вопреки Конституции СССР, выйти из состава СССР и при этом еще уничтожить Южную Осетию и Абхазию. Видимо, есть закономерность и в том, что талантливыми мастерами политической демагогии «оказываются наиболее реакционные и неискренние политики, вынужденные маскировать свои подлинные цели, равно как и свой истинный политический облик» [6, с. 91]. Заметим, что руководители независимой постсоветской Грузии и их ближайшие советники всегда отличались «неискренностью» в отношении Южной Осетии и Абхазии, талантливо и активно манипулировали массовым сознанием грузинского общества, всегда маскировали свои подлинные цели, особенно в отношении Москвы, Цхинвала и Сухума, тщательно скрывали (хотя это у них плохо получалось) свой настоящий политический облик. Они своими необдуманными и волюнтаристскими решениями, развязанными на территории Южной Осетии и Абхазии войнами, своей реакционной национальной политикой, геноцидной сутью подводили южных осетин и абхазов к независимости, а собственный грузинский народ – к бессмысленным кровопролитным войнам. В этой связи весьма интересным представляется мнение такого авторитетного ученого, политика, дипломата и государственного деятеля, как Е. М. Примаков, который подчеркивает: «Если бы не было военной акции Саакашвили против Южной Осетии (война Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года. – **Авт.**), вряд ли встал бы вопрос о признании Россией Южной Осетии и Абхазии. В апреле до нападения на Цхинвал грузинский президент планировал ударить по Абхазии. Мне говорил об этом посол США в России, сидя здесь, в этом кабинете. По его словам, американцы тогда удержали Саакашвили. А в середине прошлого лета (2008 года. – **Авт.**) Госсекретарь Кондолиза Райс летала в Тбилиси и уговаривала

Саакашвили не предпринимать боевых действий против Южной Осетии, в которых он не сможет победить. Но Саакашвили был связан не с Бушем и Райс, а с антироссийски настроенным вице-президентом Диком Чейни и окружавшими его неоконсерваторами.

Признание независимости Цхинвала и Сухума до сих пор вызывает немало критики и внутри страны, и за рубежом. Но у России был ограниченный маневр. Саакашвили заявил, что в одностороннем порядке выходит из соглашения 1992 года, по которому наши миротворцы находились в Южной Осетии. Одновременно Грузия прекратила членство в Содружестве Независимых Государств, а это лишало юридической базы пребывание российских миротворческих сил в Абхазии. Оставить воинские подразделения России в Южной Осетии и Абхазии (чего настойчиво требовала обстановка) можно было, лишь признав независимость двух республик и вслед за тем подписав договор о сотрудничестве с соответствующими военными статьями, на основе которых сохраняется наше присутствие в регионе. Дальнейший «распорядок действий» стал вынужденным» [7]. С таким компетентным и, на мой взгляд, объективным мнением о происходивших в августе 2008 года на Кавказе событиях трудно не согласиться. Тем более, что мнение Е. М. Примакова подтверждается и многими другими неоспоримыми фактами. Заметим и то, что при всей своей искренней симпатии к Грузии Е. М. Примаков подтверждает очевидные факты: что З. Гамсахурдиа был «ярким националистом», что Э. Шеварнадзе «не смог уберечь Грузию от войны с Абхазией в 1992–1993 гг., а М. Саакашвили является «безответственным и неуравновешенным» президентом Грузии [7].

Надо сказать, многие решения Верховного Совета Грузинской ССР фактически готовили политико-правовую основу выхода из состава СССР. Готовили в одностороннем порядке, вопреки Конституции СССР, воле многонационального советского народа, а также южных осетин и абхазов, на которых власти Грузии претендовали как на свою законную собственность. Но именно в этом состояла одна из самых больших ошибок руководителей Грузинской ССР, которые своими непродуманными, авантюристическими решениями способствовали развалу Грузинского государства. Многие тогдашние решения следует рассматривать как мощный импульс грузинского сепаратизма, ощутимый удар по единству и «территориальной целостности» бывшего Советского Союза. В Тбилиси понимали, что отмена законодательных актов, принятых Грузией за весь советский период, означал по существу односторонний выход Грузинской ССР из состава Советского Союза. Замечу, что эти решения тбилисских властей настораживали многих трезвомыслящих политиков, об-

щественных деятелей, ученых, особенно в Абхазии и в Южной Осетии, где прекрасно понимали, что независимость Грузии для них будет означать новые акты насилия, изощренные формы геноцида, как это делали меньшевики независимой Грузии в 1920 году. Верховный Совет Грузинской ССР своими решениями фактически упразднял национально-государственные образования юго-осетинского и абхазского народов. Так, в Постановлении Президиума Верховного Совета Грузинской ССР о решениях Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа 1990 г. подчеркивалось: «Президиум Верховного Совета Грузинской ССР, рассмотрев вопрос о принятии Верховным Советом Абхазской АССР декларации о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики и постановление о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии, считает, что упомянутые решения являются в правовом отношении несостоятельной попыткой изменения национально-государственного и административно-территориального устройства Грузинской ССР, что является грубым нарушением конституций Грузинской ССР, Абхазской АССР, а также Конституции СССР» [7, с. 27]. При этом в Постановлении, которое было принято 26 августа 1990 г., подчеркивалось, что президиум Верховного Совета Грузинской ССР считает совершенно недопустимым принятие решений, которые касаются суверенных прав и конституционных основ национально-государственного устройства и территориальной целостности Грузинской ССР. Легко заметить двойные стандарты, которых придерживался парламент союзной республики. Эти двойные стандарты использовались очень активно в борьбе против Москвы, Цхинвала и Сухума. С одной стороны, когда речь заходила о взаимоотношениях союзной республики, то есть Грузинской ССР, и союзного центра, то есть СССР, тбилисские власти непременно заявляли о суверенных правах Грузинской ССР, необходимости выхода из состава СССР, сохранения территориальной целостности, о соблюдении Конституции Грузинской ССР, о волеизъявлении грузинского народа и т.д. С другой стороны, когда те же самые аргументы приводили юго-осетинские и абхазские политики, отстаивавшие вполне законными, демократическими методами права и свободы народных масс Южной Осетии и Абхазии, то власти не хотели их даже слушать. Высшее руководство Грузинской ССР вообще считало ниже своего достоинства садиться за стол переговоров с руководством Южной Осетии и Абхазии. Возможность нормального равноправного политического диалога с лидерами Южной Осетии и Абхазии многие грузинские политики считали неприемлемым и даже оскорбительным для руководства Грузинской ССР. В первую очередь потому, что чувство необоснованно высокого самомнения не позволяло грузинским

политикам принять равными себе политиков и руководителей Южной Осетии и Абхазии. Это была еще одна роковая ошибка политического руководства ГССР, которая, на мой взгляд, также способствовала развалу «территориально целостного» Грузинского государства.

В Постановлении Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 26 августа 1990 г. сурово осуждалась Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики. Парламент союзной республики полагал, что Декларацию о государственном суверенитете может принимать только Грузия, так же как и правом нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства может воспользоваться только грузинский народ. Почему этим неотъемлемым правом не смогли воспользоваться южные осетины и абхазы в конце 1980–начале 1990 гг. – до сих пор остается непонятным для политического руководства Грузии. Возвращаясь к Постановлению Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, необходимо подчеркнуть, что данный документ, искажавший исторические факты и сформировавшуюся политико-правовую реальность в регионе, требовал, во-первых, объявить Декларацию и Постановление Верховного Совета Абхазской АССР от 25 августа 1990 г. недействительными и не имеющими юридической силы, во-вторых, образованной Постановлением Президиума ВС ГССР от 26 июля 1990 г. Комиссии по изучению вопросов, поднимаемых в Абхазской АССР в связи с правовыми гарантиями государственности автономной республики, подготовить в кратчайшие сроки с участием специалистов, ученых, представителей общественности предложения для рассмотрения Президиумом Верховного Совета республики [7, с. 28].

Примерно такие же акценты расставил высший законодательный орган Грузинской ССР в своем Постановлении от 21 сентября 1990 г. относительно решения Совета народных депутатов Юго-Осетинской Автономной области от 20 сентября 1990 г. В документе, в частности, сказано: «Рассмотрев вопрос о принятии Советом народных депутатов Юго-Осетинской автономной области решения о суверенитете и статусе Южной Осетии, Президиум Верховного Совета Грузинской ССР считает, что вышеуказанное решение с правовой точки зрения является безосновательной попыткой изменить национально-государственное и административно-территориальное устройство Грузии, посягнуть на суверенитет республики, механически уравнивать права автономных формирований и представляет собой нарушение Конституции Грузинской ССР» [7, с. 28]. Следует подчеркнуть, что у политического руководства Грузинской ССР были еще хорошие шансы, по крайней мере в то

время, для того чтобы сохранить «территориальную целостность» Грузинского государства. Но для этого, на мой взгляд, необходимо было тбилиским властям, подавив в себе непомерные политические амбиции, пойти на продуманные, дальновидные компромиссные решения с руководством Южной Осетии и Абхазии, например в вопросах признания федеративного устройства государства. Ведь сама Грузинская ССР по Конституции СССР 1936 г. обладала статусом суверенного государства в составе СССР. По этой аналогии можно было признать суверенитет Южной Осетии и Абхазии в федеративном, многонациональном Грузинском государстве. Однако непомерные политические амбиции, недальновидность руководства Грузинской ССР, а также другие причины объективного и субъективного характера не позволили грузинским политикам и государственным деятелям конца 1980–начала 1990-х гг. серьезно рассмотреть, с учетом кардинально изменившихся политико-правовых реалий не только в ГССР, но и на всем постсоветском пространстве, вопросы повышения статуса национально-государственных образований абхазского и юго-осетинского народов и федеративного устройства Грузинского государства. Вместо продуманных решений и дальновидных перспектив сохранения «территориальной целостности» высшие власти Грузинской ССР, пребывая в эйфории собственных политических амбиций, которые находились в непримиримом политико-правовом противоречии с такими же амбициями политиков Южной Осетии и Абхазии, продолжали заниматься политической демагогией и словесной трескотней. Так, в указанном Постановлении Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 21 сентября 1990 г. подчеркивалось: «Принятие такого решения (о суверенитете и статусе Южной Осетии. – **Авт.**), связанного с основами Основного Закона – Конституции республики (Грузинской ССР. – **Авт.**) и страны (СССР. – **Авт.**), является не только бесосновательным и незаконным, но и противоречит интересам всех народов, проживающих на территории Грузии, в том числе и самого осетинского народа, а также способствует обострению

межнациональных отношений» [7, с. 28]. Президиум постановил: «1. Решение Совета Народных депутатов Юго-Осетинской автономной области от 20 сентября 1990 года «О суверенитете и статусе Юго-Осетии» объявить недействительным и не имеющим юридической силы. 2. Поручить Совету народных депутатов Юго-Осетинской автономной области, его исполнительному комитету принять надлежащие меры к безусловному исполнению на территории Юго-Осетинской автономной области требований Конституции СССР и Конституции Грузинской ССР, Закона об областном Совете народных депутатов. 3. Заключение образованной Верховным Советом Грузинской ССР 18 ноября 1989 года Комиссии по изучению вопросов, поставленных в связи со статусом Юго-Осетинской автономной области, переслать Совету народных депутатов Юго-Осетинской автономной области» (**Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области не принимал документа с таким названием. По всей видимости, речь идет о документах, в которых в Цхинвале поднимали вопрос о суверенитете и статусе Южной Осетии).**

Волюнтаризм, безответственность и амбициозность грузинских парламентариев, их пренебрежение к Южной Осетии проявились и в том, что Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области от 20 сентября 1990 года не принимал документа с названием «О суверенитете и статусе Юго-Осетии», как об этом сказано в Постановлении.

Краткие выводы. Анализ политико-правовых документов Грузинской ССР, сложной этнополитической ситуации и межнациональных отношений в Грузии в конце 80–нач. 90-х гг. XX века убеждает в том, что ошибочная политика, замешанная на шовинизме и экспансионизме в отношении Южной Осетии и Абхазии, в конечном итоге привели к развалу так называемой «территориальной целостности» Грузии. Изучение этой проблемы представляется в высшей степени интересным и поучительным. Рано или поздно сами грузинские исследователи начнут анализировать проблему развала Грузии именно с этих позиций.

Литература

1. **Постановление ЦК КПСС от 10 июля 1956 г.** «Обошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии» // Реабилитация: как это было. Февраль 1956–начало 80-х годов. Под ред. акад. А. Яковлева. – М., 2003. С. 150–156.
2. **Лакоба С.З.** Очерки политической истории Абхазии, Сухуми, 1990; История Абхазии (Учебное пособие). – Гудаута, 1993; Историография и война, или к вопросу происхождения абхазов (теории, гипотезы, мифы) // Бюллетень Общества исследований истории России (Токийский университет), 2000. Октябрь, № 40. С. 16–18; Марыхуба (Мархолия). Об абхазах и Абхазии. – Сухум, 1993.
3. **Дзидзов В.Д.** Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). – Владикавказ, 2000; 2004; Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа // Материалы Международной научной конференции

- «Кавказоведение: опыт исследований» (13–14 окт. 2005 г.). – Владикавказ, 2006. С. 57–136; Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ, 1994; 1997; 2002; Лакоба С.З., Шамба С.С. Кто же такие абхазы? // Советская Абхазия, 1989, 8 июля; Обращение представителей абхазской интеллигенции в органы власти СССР (1977 год) // Абхазский узел (Документы и материалы по этническим конфликтам в Абхазии). Под ред. М.Ю. Чумалова. – М., 1995, с. 20–29 и др.
4. **Обращение представителей абхазской интеллигенции.**... С. 24–27; Дзидзов В.Д., Дзугаев К.Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. – Цхинвал, 2007. С. 7–10 и др.
 6. **Конфликты в Абхазии и Южной Осетии.** Документы 1989–2006 гг. (приложение к «Кавказскому сборнику». Выпуск № 1). – М., 2008. С. 25.
 7. **Политология.** Энциклопедический словарь. – М., 1993. С. 90.
 8. **Пик Примакова** (интервью с Е.М. Примаковым) // Известия, 2009, 29. 10.